

Рецензируемая работа — прекрасно изданный полиграфистами Душанбе альбом с цветными рисунками, выполненными художниками Ю. П. Гремяченской и Х. А. Жабба. Альбом состоит из 47 таблиц-рисунков, на 37 из них изображены таджикские национальные костюмы, на трех — головные уборы, на семи — чертежи кроя одежды. Издание снабжено введением, в котором говорится о цели создания работы, ссылками на использованную литературу и объяснениями к таблицам, с указанием местных названий всех элементов комплекса одежды. Текст дан на русском и таджикском языках.

Альбом, безусловно, будет интересен не только художникам и костюмерам театров, но и широкому кругу читателей.

Остановимся теперь на недостатках работы. Одним из самых больших из них, на наш взгляд, является то, что здесь изображены только парадные, выходные костюмы из шелка и парчи, причем большая часть из них старинные. Так, из 19 изображенных женских костюмов 12 — старинных и лишь 7 — современных. Среди рисунков мужской одежды 6 старинных парадных костюмов и только 2 современных.

То, что большая часть рисунков посвящена старинному костюму, с моей точки зрения, правильно — надо успеть зафиксировать уходящее. Но то, что изображена только парадная одежда, ошибка, не дающая возможности ориентироваться, как же одевались таджики в будни? С сожалением отметим, что не показана разница между деревенской и городской одеждой.

Кроме того, объяснения к таблицам, или, вернее, рисункам, не соответствуют нарисованному. Возьмем для примера текст к рис. 3: Старинный выходной костюм гожилой горожанки из северных районов Таджикистана, состоящий из шелкового платья с вертикальным воротом, сшитого из фабричной тяжелой шелковой материи «дама» (169). Сверху надет халат из местного шелка типа канауса, называемый «румча» (445-39), обшитый полосой черного бархата. На голове — тонкий хлопчатобумажный платок — «каре» (460-4), поверх которого повязан шелковый платочек — «дурра» с проложенной в его складках бумагой. На ногах кожаные «ичиги» с галошами. Шаровары заправлены в «ичиги». Вероятно, женщина, с которой рисовал художник, была одета точно так. И, видимо, номера поставленные в скобках, являются номерами экспонатов из коллекций института. На рисунке же мы видим халат, покрывающий платье. Из-под него чуть видны носки обуви. Платок, которым повязана голова, немного прикрывает халат и верх рукавов. Таким образом, о покрое одежды судить невозможно. Читателю было бы легче представить, как выглядит тот или иной комплекс одежды, если бы в объяснении давались ссылки на таблицы с чертежами кроя или приводились вместе чертежи кроя и рисунки.

Досадно также, что чертежи кроя даются в общем виде. А между тем для изучения одежды, ее происхождения, родовых и племенных связей важны мелкие, но характерные детали, их связи между собой, с головным убором и с украшениями. Только имея полный комплекс старинной и современной одежды одного и того же района, можно делать какие-либо заключения о процессах изменения в одежде. В силу ограниченности объема сборника целесообразно было бы дать не случайно взятые в разных районах комплексы одежды, а выделить несколько характерных районов, из которых и следовало бы взять образцы праздничной и будничной одежды широких народных масс и верхушки городского населения. Альбом можно было бы тогда использовать как источник для изучения национальной культуры.

Н. И. Гаген-Торн

Х. Г. Ишанкулов. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX — начало XX в.). Душанбе, 1972, 120 стр. (ротاپринт).

Небольшая книга Х. Г. Ишанкулова содержит подробное и всестороннее описание свадьбы и брака в дореволюционном Ходженте (современный Ленинабад) и ближайших к нему населенных пунктов с таджикским и узбекским населением. Автор, как видно по содержанию книги, сам хорошо знаком с бытом местного населения; кроме того, им собраны сведения у очень большого количества информаторов. Все это позаслужило Х. Г. Ишанкулову в своей работе коснуться даже мельчайших деталей исследуемого вопроса: поведение юношей и девушек, достигающих или уже достигших брачного возраста, хлопоты родителей о подыскании подходящего жениха для дочери или невесты для сына. Рассматривается вопрос о брачном возрасте, который в конце XIX — начале XX в. был довольно низок. Считалось нормальным, чтобы жених был на несколько лет старше невесты, хотя часто в практической жизни встречались и отклонения от этого правила. В силу экономических и других соображений молодую девушку нередко выдавали за пожилого или даже старика. Рассмотрены те кри-

тери, которыми руководствовались при выборе невесты или жениха (состоятельность, положение в обществе, для девушки также красота, характер, хозяйственные способности и т. п.). Сваты при посещении дома невесты придирчиво осматривали все хозяйство (тайком заглядывали в кладовые, чуланы и другие места), смотрели насколько в доме соблюдается чистота и порядок, изучали поведение и характер девушки. Существовали народные изречения: «Повидав хозяйство, можно судить о качествах матери девушки», «Посмотри на мать, а потом уже женись на дочери». Обстоятельно описан также обычай «колыбельного сговора», широко практиковавшегося у таджиков и узбеков. В книге уделено внимание воспитанию девочки в годы, предшествовавшие ее половому созреванию.

Автор останавливается на вопросе о предпочтительных и запрещенных браках. Последние определялись в основном нормами шариата, в частности запрещались браки между лицами, вскормленными одной женщиной (молочное родство), а также между теми категориями близких родственников, которые предусмотрены Кораном; с другой стороны, констатируется широкое распространение близкородственных браков, в особенности между кузенами всех степеней. Х. Г. Ишанкулов отмечает, что из числа его многочисленных информаторов 38% были женаты на кузинах (эти близкие браки почему-то названы эндогамными). В качестве причин близких браков выдвинуты такие соображения, как стремление сохранить в семье рабочую силу, домашнее имущество, сократить расходы по свадьбе.

Подробно описаны сватовство и добрачные церемонии, помолвка или так называемый праздник «ноншиканон» (преломление хлеба), «туи фотиha» (праздник, сопровождающийся молитвой), а также период между этими церемониями и свадьбой.

Показан принцип отбора гостей, характер угощения, обмен подарками между представителями обеих сторон, описаны связанные с этими церемониями обряды. После выполнения этих церемоний начинается соблюдение обычая избегания как между женихом и невестой, так и между каждым из них и ближайшими родственниками другого; избегания эти оканчиваются лишь после свадьбы. Непосредственно перед свадьбой в дом невесты отправляют все необходимое для свадебного угощения, а также ткань и другие вещи для костюма невесты (так называемый «бор»), после чего следовала новая церемония — кройки и шитья.

Уже в день свадьбы с раннего утра проводился целый ряд обрядов: «очистение» жениха и невесты от злой силы; хождение на мост через Сырдарью, где запирали взятый с собой замок («запирание» злых духов), а затем снова отпирали замок («развязывание» счастья), обведение вокруг костра (очищение огнем), «прятание» невесты и др. Бракосочетание совершалось в доме невесты, куда приходил жених, тщательно закутавшись с головой в халат и спрятавшись среди друзей. Обряд бракосочетания совершался как обычно у мусульман: невеста должна была поручить кому-либо из своих родственников (в присутствии свидетелей) выразить от ее имени согласие на брак перед муллой.

Весьма любопытно, что в Ходженте, как и во всем северном Таджикистане, новобрачная переезжала в дом мужа ночью (в отличие от южного Таджикистана, где это происходило днем). Интересны следовавшие затем обряды *рубинон* — открывание лица невесты, *домодбаророн* — первый выход жениха после свадьбы, а также *домодталабон* — посещение молодыми дома родителей новобрачной, где она гостит и затем получает от родителей какой-либо подарок (известный в литературе обычай, названный М. О. Косвеню «возвращение домой»).

Несмотря на некоторые локальные особенности, ходжентская свадьба в целом вполне укладывается в рамки традиционной свадьбы северных (равнинных) таджиков. Однако многочисленные подробности, интерпретация ряда обычаев и церемоний, привлечение большой сравнительной литературы делают небольшую книгу Х. Г. Ишанкулова интересной для исследователя, занимающегося данной тематикой.

Считаем необходимым остановиться на вопросах, связанных с материальными затратами, которые падают главным образом на родственников жениха. Прежде всего очень важно отметить, что работа Х. Г. Ишанкулова подтверждает мнение, что в исследованных им наиболее экономически развитых районах Средней Азии калым уже изжил себя. Так, на стр. 50 автор прямо пишет, что выплата калыма с конца XIX в. в ходжентском обществе уже не одобрялась общественным мнением. Далее на стр. 100 сказано, что с начала XX в. столь долго существовавший институт калыма стал постепенно отмирать. Примеры из жизни населения Ферганы, Зеравшанской долины, Шахристана позволяют сделать заключение, что институт калыма как таковой в начале XX в. находился в стадии регресса, а начинает распространяться институт приданого. Здесь следует отметить, что Х. Г. Ишанкулов не совсем правильно трактует сущность приданого: приданым он называет также и те вещи и деньги, которые сторона жениха дарит невесте и которые невеста затем приносит с собой в новую семью. Обычно же под приданым мы понимаем то, что приносила в дом сама невеста.

Автор делит расходы, которые приходится на семью жениха во время подготовки к свадьбе, на две части: а) расходы на саму свадьбу, свадебное угощение, увеселения, подарки гостям, плата за различные услуги, например мулле, и т. п. и б) расходы на подарки невесте, а также на предметы обзаведения для нового хозяйства. Со своей стороны, родители невесты, если они были достаточно состоятельны, тоже

давали за дочь приданое, часть которого нередко создавалась руками самой девушки; некоторые из этих изделий продавались и на вырученные деньги покупались различные предметы домашнего обихода, тоже входившие в приданое. Нередко отец девушки также нес определенные расходы по устройству свадьбы — на угощение, различные подарки и т. п.

Нужно сказать, что иногда при женитьбе богатого на девушке из бедной семьи кое-что давалось и родителям невесты в виде «подарков», что, естественно, должно было рассматриваться как выкуп или даже калым. Но это делали по возможности тайно, ибо, как уже сказано выше, калым общественным мнением осуждался, и такие случаи были исключением из общего правила. Эта выплата называлась «дополнительной суммой на непредвиденные расходы».

Специальный большой раздел в книге посвящен вопросу о *махре* — шариатном обеспечении жены со стороны мужа. Автор детально рассматривает вопрос о возникновении этого института (выводя его чуть ли не от свадебных подарков жениха невесте в материнском роде, с чем, конечно, трудно согласиться); несомненно, что *махр* пришел на смену калыма и прочих платежей семьей жениха отцу невесты, причем это было не только в Средней Азии, но и в других районах распространения ислама. Х. Г. Ишанкулов правильно подметил, что ряд исследователей, писавших о Средней Азии, нередко путал *махр* с калымом, хотя назначение *махра* — это обеспечение жены, в то время как калым поступал в пользу ее отца или других родственников и по существу являлся платой (выкупом) за девушку. Нередко и само население путало *махр* с калымом. Нам в свое время пришлось говорить о том, что в районах, где еще существовал калым, но влияние шариата было уже сильно (например, в горном Таджикистане), от выплаты *махра* стремились отделаться посредством выполнения обряда *бахшидани махр* (прощение *махра*), когда девушку, выходящую замуж, представляли публично заявить, что она отказывается от *махра* (см. нашу работу: Семья и брак у таджиков, М.—Л., 1959, стр. 155). Еще более любопытную подробность приводит автор рецензируемой книги (стр. 100): в ряде случаев представители мусульманского духовенства прибегали к уловке, лицемерно называли калым *махром*. Духовное лицо, оформлявшее брак, наставляло девушку: «Скажи, свой махр получила полностью и подарила своему отцу»; здесь совершенно очевидно желание скрыть уплату калыма отцу девушки, о котором, вероятно, договаривались заранее.

Как показано в рецензируемой книге, *махр* состоял из двух частей: так называемой «наличной» (расходы семьи жениха по свадьбе и подарки невесте) и «отложенной». Иногда эта отложенная часть равнялась $\frac{1}{3}$ всей суммы махра, а порой достигала ее половины. Она формально должна была быть выплачена жене в случае смерти мужа из его наследственного имущества или же при разводе по инициативе мужа и таким образом являлась как бы обеспечением вдовы или разведенной женщины. Иногда эта часть конкретизировалась путем закрепления за женой какого-либо недвижимого имущества (участка сада, земли, дома и т. п.). В книге приведены случаи, когда мужья (благочестивые мусульмане) еще при жизни старались освободиться от этого долга (который, по поверью, могут потребовать потом на том свете), передав жене какую-либо свою собственность. В других случаях муж старался освободиться от долга, получив в официальной обстановке согласие жены на отказ от этой части махра. Сумма махра не была стабильной, она зависела от целого ряда обстоятельств, прежде всего от состоятельности семей жениха и невесты, другими словами, от классовой принадлежности брачующихся. Минимальный его размер составлял 10 дирхемов (в Средней Азии 10 танга — дирхем, примерно около 2 рублей), у богатых же людей он был очень высок.

В небольшом заключении автор объясняет некоторые изложенные выше обычаи и правила (брачный возраст, правила поведения юношей и девушек до брака и т. п.), с одной стороны, шариатными нормами, а с другой — связью с жизненной практикой вообще и соответствующими биологическими и историко-географическими условиями, именно поэтому они встречаются у целого ряда других народов, не имевших никакого отношения к исламу.

Хотя это и не составляет основного содержания работы, автор показывает, как преобразовались семейные отношения и свадебные обычаи в советское время. Многочисленные магические представления и действия, якобы способствовавшие счастливой жизни, плодовитости, а также обряды, направленные на охрану новобрачных от злых сил, «сглаза», в настоящее время постепенно исчезают или уже совершенно исчезли и сохраняются иногда в пережиточном виде, потеряв свой первоначальный смысл. В настоящее время свадебное торжество уже мало зависит от общественного положения, национальной или родо-племенной принадлежности: современная свадьба имеет универсальный характер. Новые условия жизни в социалистическом обществе, раскрепощение женщины, изменение отношений между родителями и детьми привели к появлению новых форм брачного обряда, к свободному волеизъявлению желания молодых людей вступать в брак, хотя по традиции (как дань уважения к родителям) сохраняется кое-где обряд сватовства. Вместе с тем автор отмечает как нездоровое явление слишком большие расходы на свадьбу, что нередко рассматривается старшим поколением как дело «чести», престижа. В частности, отмечается как огромное зло большая затрата на спиртные напитки, что для таджиков является своеобразным «новшеством», нарушающим порядок свадебной церемонии, ее обаяние, чин-

ность и красоту. Автор констатирует также, что, несмотря на регистрацию новобрачных в загсах, старики еще нередко настаивают на приглашении муллы.

В материалах XXIV съезда КПСС и XVII съезда КП Таджикистана вопрос о борьбе с вредными пережитками прошлого рассматривается как одна из важнейших проблем. Автор показывает, как таджикские ученые изучают положительные и отрицательные стороны народных традиций, обычаев и обрядов, предлагают определенные рекомендации и, таким образом, способствуют изживанию вредных пережитков.

Отмечается появление в Таджикистане дворцов бракосочетания, которые население именуется «домами счастья». Нарядно оформляются также помещения загсов. Получение молодоженами свидетельства о браке отмечается теперь торжественно песнями, танцами и небольшим угощением — *ширину шакар*. Одна из лучших черт старого свадебного обряда — чудесные песни молодежи. Автор сожалеет, что сейчас выходит из употребления песни Накш и Лалола, которые вполне можно было бы петь на свадьбе, заменив некоторые религиозные стихи хорошими современными стихами. Очень красива песня «Ер-ер», исполнявшаяся обычно молодыми женщинами: ее также стоило бы обогатить новыми двустушиями и четверостишиями. Существует интересный и красивый обряд *шарбатдори* (Нуратинский район Узбекистана): женщина, обладающая способностью к декламации, наливает в пиалу шербет и читает стихи о соединении двух любящих сердец (газель). Затем подает каждой гостье пиалу, та же, возвращая пиалу, в свою очередь читает газель. Этот обряд под названием *байтбарак* имел место и в Ходженте, но, к сожалению, особого распространения пока не получил. Существует много других церемоний, которым в книге дается положительная оценка — разжигание костров, расстилание *пойандоза* (дорожки для прохода новобрачных), украшение комнаты новобрачных и др. Поддержать и укрепить эти обряды и создать новые — задача общественности, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. Автор сообщает, что новым обрядам он намерен посвятить особую работу.

К сожалению, небольшая интересная книжка Х. Г. Ишанкулова, напечатанная ротаринтом в издательстве «Дониш», технически плохо оформлена: очень бледный текст, местами едва читаемый, тусклая невыразительная обложка.

Н. А. Кисляков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Данг Фонг. Первобытная экономика Вьетнама, Ханой, 1970, 490 стр. (на вьетнамском языке).

Одна из важнейших задач ученых Демократической Республики Вьетнам — освождение отечественной исторической науки от вулгаризаторских концепций феодально-колониального периода о древнем прошлом страны. За 27 лет после провозглашения Демократической Республики Вьетнам опубликовано много статей и монографий, в которых на основе новых научных данных, с материалистических позиций пересматриваются вопросы первобытности, рабовладения, раннего феодализма и т. п. К такого рода работам относится рецензируемая книга ученого-экономиста Ханойского университета Данг Фонга. Ее появление сразу же привлекло внимание вьетнамских специалистов. Дело в том, что в книге Данг Фонга впервые сделана попытка на базе материалов археологии, истории и экономики раскрыть закономерности и особенности развития производительных сил и производственных отношений первобытного Вьетнама. В ведущем гуманитарном журнале ДРВ «Исторические исследования» помещен обзор работы Данг Фонга, сделанный археологом и историком Фамван-Кинем¹. Эта публикация позволяет нам ознакомиться и с оценкой рецензируемой книги вьетнамским ученым.

Монография состоит из трех частей, заключения и библиографии из 182 наименований трудов на различных языках, в том числе на русском. Предисловие написано директором Института экономики ДРВ Чан Фыонгом.

В первой части (стр. 17—80) речь идет об орудиях труда первобытного человека и технике их изготовления. Автор говорит о древности обитания людей на территории Вьетнама, что подтверждается находками (в районе Донгфо провинции Ниньбинь, а также в провинциях Йенбай и Лангшон), зубов, схожих с зубами синантропа. Кроме того в 1960 г. вьетнамскими археологами при участии П. И. Борисовского в качестве консультанта² было открыто палеолитическое местонахождение на горе До провинции

¹ Фамван-Кинь. Некоторые соображения по археологическим вопросам, содержащимся в книге «Первобытная экономика Вьетнама», «Исторические исследования», 1971, № 136, стр. 45—53 (на вьетнамском языке).

² Здесь наблюдается некоторое расхождение между данными Данг Фонга и П. И. Борисовского, который в своей книге «Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии» (Л., 1971, стр. 142) пишет, что первая находка сделана в пещере